

Анн Бренон
Катары как слуги дьявола: обвинения оппонентов.

перевод Натальи Дульневой

Вдохновленная «манихейским» видением противостояния Добра и Зла, религия катаров была в Средневековье осуждена как ересь. Хотя ее сторонники считали себя христианами, они были жестоко преследуемы.

В представлении христианства римских времен, фигура дьявола вначале получает свое воплощение в языческих божествах, которых это христианство отвергало и с которыми боролось. Но как таковая она выкристаллизовывается на заре Средневековья. Романское воображение рисует нам этот смущающий и гротескный силуэт, ужасающий и блистательный, силуэт соблазнителя и злодея, с рогами и раздвоенными копытами. Его задача - увлекать проклятые души в пасть адову. Христианский дьявол, прежде всего, был царем вечного ада. Нет, это князь мира сего, отвечали еретики, которых сегодня предпочитают называть катарами. Самих их с конца XII столетия Церковь Римская выявляла и преследовала как «манихейцев», которые верят в существование двух богов, одного злого, а другого доброго, и даже иногда обвиняла их, вопреки всякой правдоподобности, в практиковании сатанинских культов. Можно сказать, что катары представляли собой единственное христианское дуалистическое движение Средневековья. В результате этого историография, по примеру средневековой критики, сделала из них настоящих неоманихейцев, внешних по отношению к европейской культуре и даже к самому христианству. Но на самом деле - и, к сожалению, эта проблема не преодолена и по сей день - подобная путаница возникла из-за недостаточно четкого понятия о том, чем было античное манихейство, а чем был средневековый катаризм. Данный текст как раз написан с целью пролить свет на этот вопрос. Однако не стоит

здесь упускать из виду и то, что разнообразные дуалистические течения с III по XIII столетия тоже сыграли определенную роль в развитии образа дьявола, а воинствующая христианская ортодоксия сама демонизировала их, сделав из них образ врага.

Манихейство - это отдельная религия, основанная своим создателем, Мани, в Персии, в III веке. Эта религия с претензиями на универсализм распространилась со скоростью курьерского поезда, как на Восток, так и на Запад, по всей Римской Империи - до самого Рима - и за ее пределы, до Центральной Азии и Китая. Обладая многочисленными писаниями, большинство из которых было создано самим основателем, и переведенными на все языки, распространяемое ревностными учениками Мани, способными создать настоящие и эффективные пропагандистские стратегии, манихейство развилось в рафинированную эстетическую культуру, но в то же время обладающую образцовой духовностью. Очень быстро новая религия стала конкурировать с зороастризмом, буддизмом и христианством, и последнее стало серьезно ей противодействовать, вовлекая в борьбу императорскую власть. В 443 году папа Лев Великий определил «манихейское безумие» как «крепость Сатаны [...], где он нагло торжествует». И добавил: «Сатана - их господин».

Было ли манихейство сатанинской доктриной? Наоборот, оно решительно вставало на сторону Божественного Света и заявляло о существовании противоположного ему царства Тьмы, сконцентрированного вокруг Сатаны. Согласно учению Мани, который считался пророком, создание мира явилось результатом космической катастрофы, грубого вторжения Тьмы в Царство Света и поглощения его части материей. Потому в этом мире Добро определенным образом заключено злом, и потому этот мир является смесью двух начал. Система манихейства видела свою задачу в том, чтобы освободить этот Свет и вернуть его в небесные эмпиреи, частицу за частицей, путем фильтрации его из материи и через посредничество Столпа славы. Это космическое восхождение выталкивает частицы света, фильтруемые из

материи, вначале на Луну, потом на Солнце, и, наконец, в царство вечного Света. Задачей этой богатой и сложной религии, основанной Мани, с ее канонами писаний и епископальными структурами, было участвовать, путем аскезы и правил жизни ее адептов, в освобождении божественного Света, частицы которого присутствуют во всем живом, а также в растениях и животных.

Ортодоксальное христианство Римской империи ожесточенно боролось с манихейством, публикуя против него Суммы опровержений (*Деяния Архелауса в 345 году; Против Фаустуса* святого Августина в 400 году), и таким образом, на христианском Западе манихейская религия очень быстро была дискредитирована, деформирована и даже «сведена на уровень христианской ереси», как сказал историк Жан-Даниэль Дюбуа. Это сужение стало косвенной причиной происхождения карикатурного образа манихейства, и сегодня эта сложное религиозное мировоззрение опошлено до того, что воспринимается как примитивная прямолинейная система, где есть только один выбор - между угольно-черным и снежно-белым.

В Средние Века, начиная с XI столетия, в разгар выявления еретиков, это древнее обвинение было снова поднято на щит, причем до такой степени, что по выражению Маделин Скопелло, стало «квинтэссенцией всех ересей». И ученые каноники, сожженные в Орлеане в 1022 году, и аквитанские крестьяне, высмеивающие таинства, о которых упоминает хронист Адемар из Шабанне в 1018 году, без разбору называются «манихейцами», так же, как и колдунами. Точно так же, но уже в XII веке, с античными манихейцами пытаются идентифицировать и катаров.

Начиная с эпохи Тысячелетия, когда в латинском христианстве набирает силу идеология «великой битвы», которая окончательно побеждает во время грегорианской реформы, превращаясь в дух крестовых походов, и католическая ортодоксия составляет список своих врагов. Среди них, вместе с неверными сарацинами, фигурируют и слуги Дьявола, еретики. Интересно, что термин «манихейцы» по отношению к еретикам появляется именно в XI

столетии, когда, согласно Жоржу Дюби, весь христианский мир был «полностью и спонтанно манихейским». Идеология борьбы тоже установила свою власть всерьез и надолго (вместе с рождением «общества преследования», что прекрасно осветил для нас Роберт Мур) и рисовала этот мир в качестве военного лагеря, обороняемого силами Добра, представленными клюнийскими монахами, в особенности, орденом Сито, и осаждаемого легионами Зла, с перспективой священной войны. Но театром этих военных действий было также сердце человека, разрываемое между склонностью к греху и обороной добродетели, с перспективой вечного проклятия или же вечного спасения. Исторический контекст определения дьявола, предводителя легионов Зла и князя Преисподней, в культуре и менталитете христианства, совпадает с антиеретической борьбой.

В это время, собственно, и появляется вновь термин «манихейство», запущенный с легкой руки клириков, монахов и хронистов. Это слово возникает в ряду других оскорбительных определений, данных еретикам, с целью выдать их на посрамление народу и на суд властей. Поскольку им приписывали функции слуг Дьявола, то обряжали в одежды колдунов и инкриминировали им всяческие мерзости (инцест, ночные оргии и т. д.). Еще во второй половине XII века, на Рейне, их обвиняли в поклонении дьяволу под видом огромного белого кота с крыльями - отсюда происхождение и популярность слова катары, от немецкого слова *Ketzer*, то есть поклоняющийся коту.

Но эти демонизированные еретики на самом деле были общинами религиозных диссидентов. Одни такие движения появлялись вследствие стремления к образцам апостольской жизни и критики новых веяний в Римской Церкви; другие были, наоборот, движимы стремлением к реформаторству, как, например, Лионские Бедняки или Вальденсы, которых исключительно непримиримая позиция папства подтолкнула вначале к расколу, а потом к ереси. Среди всех этих разнообразных движений и даваемых им кличек понемногу выделяется очень характерное течение - то

самое, которое теперь принято называть ересью катаров. Их избличали так же, как античных манихейцев, но следует сказать, что они действительно были дуалистами.

Ортодоксальное христианство повело хорошую игру, выставя катаров как манихейцев, придававших дьяволу и принципу зла чрезвычайно важную космогоническую функцию, так что он начинал у них играть роль равносильного Богу начала. Для средневековых еретиков дьявол действительно был князем мира сего, его управителем и творцом «вещей видимых и преходящих». Однако в отличие от манихейского дуализма, дуализм, исповедуемый катарскими проповедниками, абсолютно вписывается в христианскую культуру. Как прекрасно продемонстрировал Жан Дювернуа, этот дуализм был следствием прочтения и размышления над Святым Писанием, «коренился в схоластическом анализе». Культивируя старинную иоанническую тему «Царствия Божья не от мира сего», этот анализ привел к отрицанию ответственности за Зло - смерть, тленность, страдания, насилие - провозглашенного Христом Бога любви.

Наиболее ранний текст, где образ катаров представлен очень ясно и четко - это письмо, адресованное в 1143 году Эвервином, прево Стейнфельда в Рейнских землях, Бернарду из Клерво. Аббат пишет о том, что он сам слышал из уст еретиков, которых он допрашивал перед тем, как их сожгли, а именно от епископа и его товарища. Слова о противопоставлении Бога и мира сего, непосредственно вдохновленные Евангелием и Первым Посланием Иоанна. «Протокатары» приводили ему в доказательство противопоставление двух Церквей, Божьей Церкви и Церкви мира сего. Эвервин также приводит один из их аргументов - который будет сопутствовать им до самого конца истории катаризма - притчу о добрых и дурных деревьях. Они подразумевали под этим, что их Церковь, бедная и евангельская, демонстрирует добрые плоды, что означает, что она от доброго дерева, а Церковь Римская, властная преследовательница, своими плодами показывает, что у нее дурная основа. И еще в начале XIV века Добрый

Человек Пейре Отье противопоставлял в своих проповедях Церковь, которая бежит и прощает, и Церковь, которая владеет и сдирает шкуру. Именно это было настоящими корнями катарского дуализма, и именно его развитие мы видим в позднейших текстах: катарских писаниях, антикатарской полемике и инквизиторских архивах.

Затем, через двадцать лет после Эвервина, Экберт де Шонау, в одной из своих торжественных проповедей, где он определил в десяти пунктах ошибки рейнских еретиков, прежде всего, выставляет новый аргумент для так называемых «катаристов» или «катаров», то есть манихейцев: они дуалисты. Они верят в двух богов, одного благого, творца Неба и ангельских родов, а другого злого, творца мира сего. Это действительно новый и точный аргумент, на котором отныне сфокусируется вся католическая полемика... Поскольку еретики являются дуалистами, то их теперь достаточно легко ассоциировать с персидскими манихейцами. И католические проповедники немедленно принялись использовать старые аргументы Августина против манихейцев для идеологической борьбы и опровержения катаров своего времени.

Катарский дуализм основан одновременно как на христианском Писании (пролог к Евангелию от Иоанна, Первое Послание Иоанна, притча о добрых деревьях и т.д.), так и на ряде мифов, ведущих свое происхождение от средневековой религиозности - об описанной в Апокалипсисе великой битве между святым архангелом Михаилом и «древней змеей», о падении Люцифера, и даже на библейском сюжете о пленении «вавилонском овец Израиля», в котором они видели рассказ о пленении дьяволом падших ангелов.

Не следует уделять особого внимания внутренним дискуссиям в итальянском катаризме, на которых сосредоточены католические полемисты, между двумя видами дуализма - умеренным и абсолютным, первый из которых выглядит как более близкий к ортодоксии. Скорее, здесь следует видеть поступательное движение мысли, пытавшейся логическим путем

разрешить мучительную проблему Зла в христианском контексте. Мир сей, чужой Богу, является ли он творением падшего ангела, Божьего создания, избравшего Зло (умеренный дуализм), или, скорее, территорией открытой для проявления злого начала, враждебного и совечного Богу (абсолютный дуализм)? Кульминацией религиозной дуалистической мысли середины XIII века было произведение епископа итальянских катаров Джованни де Луджио, которое, несмотря на свое вызывающее название, *Книга о двух началах*, очень далеко от всякой манихейской традиции, а основано на прекрасной логике христианского дуализма, подкрепленной схоластической рефлексией.

Катарские проповедники, эти Добрые Люди, эхо слов которых мы еще можем слышать через посредство показаний перед Инквизицией, рассказывали своим слушателям, как лживый соблазнитель, дьявол, однажды украдкой проник в Царствие Божье, вечное и светлое благое творение, чтобы увести оттуда, силой или хитростью, ангельские создания, и сделать так, чтобы они вместе с ним пали в этот мир, князем которого он был. И как он заключил божественные души в тела из глины, одежды из шкур или телесные тюрьмы. И как Сын Божий был послан Отцом, чтобы просветить людей Евангелием и научить их дороге Спасения и освобождения от Зла.

Христианство катаров оптимистично: они считали, что настанет день, когда этот видимый мир, место господства Зла, исчезнет в океане огня и серы и «будет пожран». Дьявол окажется побежденным, а все души будут спасены и достигнут единственно возможной вечности, в Царствии. И никакого вечного Ада. Зло вернется к своему небытию.

В этой средневековой религиозности с элементами архаичности, называемой сегодня катаризмом, фактически сохранились застывшие следы очень неясного и медленного процесса, приведшего (в период между поздней античностью и высоким Средневековьем) к разработке в христианском мышлении и восприятию образа дьявола. Его теология дает нам очень важные свидетельства этого в своих мифах о падении Люцифера или о

плении овец Израилевых. Ничего подобного не присутствует ни в мифологии, ни в воображении манихейства, заимствовавшего у христианства, по воле своего основателя, Мани, только некоторые элементы.

Манихейство, катаризм. Единственное, что связывает такую античную синкретическую религию как манихейство и средневековую форму христианского сопротивления, какой был катаризм, так это то, что они были жестоко преследуемы, подавляемы, дискредитируемы - и даже демонизированы - институциями ортодоксальной, особенно Римской Церкви, которая сплавила их воедино для создания образа абсолютной ереси. Однако и тот и другой религиозный феномен бесспорно становились на сторону Света. Недаром верующие катаров XIII и XIV веков тайно называли свою веру *entendensa del Be*, устремлением к Добру.

Дипломант религиоведения Школы высших студий, палеограф и историк, специалист по средневековым ересям, Анн Бренон является автором более двадцати книг по данной тематике: Катарские женщины (Perrin, 1992), Катары: Бедняки Христовы или Апостолы Сатаны (Gallimard, 1997), Катарские архипелаги (Loubatieres, 2000) и т.д.